

Вариант № 3. Из сборника «36 типовых вариантов» под редакцией И.П. Цыбулько, Р.А. Дощинского, 2024

(1)Трудно во всемирной литературе найти двух художников, у которых отношение к жизни было бы до такой степени противоположно, как у Толстого и у Достоевского...

(2)Вводит нас в жизнь Достоевский. (3)Перед нами жуткая, безгласная пустота, как будто из века ещё не знавшая света... (4)И среди пустоты этой, в муках недовершённости, дёргаются и корчатся странные, тёмные, одинокие существа, которым имя — люди. (5)Жизнь каждого только в нём самом, все силы ушли в глубь души, на стремление согласовать и соединить то, что внутри...

(6)И в неотвратимой неизбежности этих мук человек находит, наконец, своеобразный выход: броситься навстречу мукам, целиком отдаться им, растерзать душу смертными противоречиями. (7)В этом — сладко пронзающее душу сладострастие, грозная радость, тёмная, как кровь. (8)Человеку открывается красота и счастье страдания, он начинает любить скорбь и жаждать мучения...

(9)И против Достоевского — Толстой. (10)Светлый и ясный, как дитя, идёт он через жизнь и знать не хочет никакого трагизма. (11)Душа тесно сливается с радостною жизнью мира. (12)Всюду вокруг эта близкая, родная душа, единая жизнь — в людях, в животных, даже в растениях «веселы были растения», даже в самой земле: «земля живёт несомненною, живою, тёплого жизнью, как и все мы, взятые от земли». (13)Не разумом, не умственным путём познает Толстой это единство, а проникновением другого рода, несравненно более полным и глубоким, чем проникновения разума. (14)И в чудесном этом единении бледнеет, как-то странно теряет свою жгучую важность ряд вопросов, тяжко мучающих душу Достоевского, вопросов о бессмертии, о Боге...

(15)И крепко, всей душою, всем существом своим Толстой знает, что человек сотворён для счастья, что человек может и должен быть прекрасен и счастлив на земле.

(16)Достоевский этого не знает. (17)Не знает, кажется, и никто из нас...

(18)Трудно себе представить живого человека, у которого лежала бы душа одновременно к Достоевскому и Толстому. (19)Мне кажется, на это способен только «любитель литературы», для кого глубочайшие искания и нахождения человеческого духа лишь предмет эстетических эмоций. (20)Всякий, конечно, «отдаст должное» гению обоих. (21)Но кому дорог Толстой, тому чужд будет Достоевский; кому близок Достоевский, тот равнодушен будет к Толстому... (22)И иначе не может быть: вместить и Достоевского, и Толстого невозможно так полно и решительно исключают они друг друга, так враждебно для одного всё то, что дорого для другого.

(По В. В. Вересаеву*)

* Викентий Викентьевич Вересаев (1867-1945) — русский, советский писатель, переводчик, литературовед.